

Глава 44. Облачное море Янхуа (тридцать первая)

Зал Воспитания Мечей превратился в поле боя. Во внутреннем дворе собралась толпа учеников-зевак, наблюдавших, как милосердные медицинские культиваторы оказывали помощь стонущим раненым. Ужас отразился на лицах свидетелей при виде отрезанных языков и перерезанных сухожилий на руках и ногах пострадавших. Взгляды невольно переключались на окровавленного Вэй Фэна, вокруг которого разгорались оживлённые дискуссии.

— Неужели это Вэй Фэн устроил? Ведь это старшие ученики Павильона Формирования Основ, почти готовые покинуть пик. А он разве не на стадии Очищения Ци? — недоверчиво спросил кто-то из толпы.

— Уже нет. Недавно достиг Формирования Основы и перешёл в их павильон, — с кислой миной ответил другой ученик. — У него столько высококлассных пилюль, что наверняка просто проглотил парочку и мгновенно прорвался.

— Странно, раньше не замечал в Вэй Фэне такой жестокости. Он ведь всегда казался довольно добродушным. Что заставило его напасть на собратьев по секте? — нахмурился третий. — Может, за этим скрывается что-то большее?

— Какое там "большее"! — презрительно фыркнул широкоротый ученик. — Вэй Фэн всегда вёл себя высокомерно, просто раньше не хватало силы для буйства. Теперь, когда за ним стоит клан Цзян, чего ему бояться? Держу пари, и на этот раз ему всё сойдёт с рук — даже духовные камни платить не придётся.

— Эй, Ма Яншэн, видимо, завидуешь, что тебя в прошлый раз не отделали? — со смешком подколот кто-то.

— Отвяжись, — процедил Ма Яншэн, прищуривав раскосые глаза. Во взгляде, обращённом на Вэй Фэна, плескалась неприкрытая зависть. — Подумаешь, заполучил хорошего учителя. Ничего особенного. В этот раз даже Старейшина Цзян не сможет его защитить.

Тощий высокий парень с отрезанным языком мычал и зажимал рот, пока медицинский культиватор пытался разжать его руки, чтобы осмотреть рану. Когда ему это удалось, из горла раненого вырвался леденящий душу крик.

Окружающие ученики содрогнулись.

— Разве это не Син Чжу? — спросил кто-то. — Его же Вэй Фэн в прошлый раз колотил. И снова он же?

— Вэй Фэн явно действовал намеренно, — бойко затараторил Ма Яншэн. — У него давняя вражда с Син Чжу, так что это определённо месть.

— Не говори глупостей! — Сюань Чжиянь, которого поддерживал Лю Сянь, услышал этот разговор и гневно обернулся. — Они первыми оскорбили учителя!

Когда Вэй Фэн набросился на обидчиков, Сюань Чжиянь, конечно, не мог просто наблюдать. Но в ярости Вэй Фэн не поддавался сдерживанию, поэтому Сюань Чжиянь лишь помогал со стороны. Когда прибыли старейшины, они ранили и его. Только сейчас он смог подняться на ноги.

Ма Яншэн привычно начал насмехаться, но Сюань Чжиянь не собирался тратить время на

перепалку и поспешил к Вэй Фэну.

Тот стоял под пристальными взглядами толпы, бросив оружие, и упрямо смотрел на Цзян Гу. Его глаза покраснели от непролитых слёз, которые он, словно назло, не позволял себе уронить.

Двое старейшин за его спиной, увидев Цзян Гу, убрали мечи и обменялись настороженными взглядами. Они помнили, как тот без колебаний поглотил первозданный дух старейшины из Зала Дисциплины, когда тот попытался обыскать душу Вэй Фэна.

Впрочем, сейчас они чувствовали себя увереннее. Один из них, с козлиной бородкой, натянуто улыбнулся.

— Старейшина Цзян, вы же видите... Вэй Фэн первым напал на своих собратьев, свидетельства и доказательства налицо...

— Вэй Фэн, расскажи сам, — прервал его Цзян Гу, игнорируя старейшину.

Вэй Фэн крепко стиснул зубы, изо всех сил сдерживая жгучую горечь, подступившую к горлу.

— Учитель, они первыми оскорбляли и провоцировали меня. Говорили непростительные вещи. Только тогда я поднял руку.

— Видите, я же говорил, что Вэй Фэн первым напал. Он сам признался, — пробормотал Ма Яншэн достаточно громко, чтобы его услышали. Сюань Чжиянь метнул в его сторону убийственный взгляд.

Старейшина с козлиной бородкой по имени Пан Чжао едва сдерживал торжествующую улыбку. Поглаживая бороду, он произнёс:

— Старейшина Цзян, очевидно, что вина лежит на Вэй Фэне.

— Что именно они сказали? — не обращая внимания на старейшину, продолжил расспрашивать Цзян Гу.

Лицо Пан Чжао слегка помрачнело от такого пренебрежения, но он сохранил вежливый тон:

— Да, Вэй Фэн, что же такого ужасного сказали твои старшие братья по секте, что заставило тебя нанести столь жестокие раны, забыв о товариществе?

Не успел он закончить фразу, как прибыли Шэнь Юйсинь, Се Фусюэ, Жуань Кэцзи и другие старейшины, а с ними несколько десятков представителей Зала Дисциплины. Все они молча уставились на Вэй Фэна.

— Они... — Вэй Фэн с силой сжал кулаки, обводя взглядом собравшихся учеников и старейшин. Вспоминая непристойные слова, произнесённые Син Чжу и его компанией, он ощутил, как вздуваются вены на тыльной стороне ладоней.

Он ни за что не станет повторять эти грязные слова перед толпой. Даже если бы их услышал только Цзян Гу, это было бы осквернением достоинства учителя. Ещё хуже, если кто-то донесёт их до других ушей, породив новые сплетни.

Клевета разносится быстрее ветра. Ему было всё равно, что говорят о нём самом, но его учитель, чистый и безупречный, не должен становиться предметом грязных пересудов.

Лежащий неподалёку Син Чжу, лишённый языка, смотрел на Вэй Фэна с ядовитой ненавистью. Видя его замешательство, он предвкушал расплату.

— Они оскорбляли меня, распространяли слухи, будто я прорвался только благодаря пилюлям! — наконец выдавил Вэй Фэн сквозь стиснутые зубы. — Я разозлился и решил показать им, действительно ли моя сила — результат глотания пилюль!

— Немыслимо! Это просто возмутительно! — Пан Чжао задрожал от гнева, отчего его борода затряслась. Среди пострадавших оказался один из его учеников, и он повысил голос до громоподобного. — Глава секты Се, вы только послушайте! Что за дерзкое неуважение к правилам! Какой змеиный яд таит его сердце!

Лю Сянь, поддерживающий Сюань Чжияня, не выдержал и воскликнул:

— Неправда! На самом деле Син Чжу и другие говорили...

Сюань Чжиянь резко дёрнул его за руку.

Лю Сянь обернулся с озадаченным лицом, но Сюань Чжиянь лишь отрицательно покачал головой.

Видя, что Вэй Фэн не оправдывается, Пан Чжао воодушевился ещё больше:

— Они всего лишь слегка пошутили над ним, а он отрезал им языки! Это... это же невыносимо! Что дальше?

— Именно! Я не выношу их и их жалкие попытки изображать невинность! — Вэй Фэн с вызовом вздёрнул подбородок, словно ему действительно было всё равно. — Я всего лишь отрезал языки и перерезал сухожилия. Если кто-то ещё посмеет злословить в моём присутствии, я отрублю им головы!

— Неслыханно! — Один из вспыльчивых старейшин Зала Дисциплины яростно сверкнул глазами и взмахнул плетью, намереваясь наказать Вэй Фэна прямо здесь и сейчас.

Тот инстинктивно поднял руку, чтобы защититься — не впервые он испытывал на себе удары этой плети. Но плеть, поднятая в воздух, внезапно остановилась, будто скованная невидимой силой. Осознав, что произошло, Вэй Фэн с удивлением и радостью посмотрел на Цзян Гу.

— Цзян Гу! — Старейшина по имени Лу Кан раскрыл глаза так широко, что они стали похожи на глаза тигра. Он гневно воскликнул: — Теперь, когда всё стало ясно, вы всё ещё защищаете своего ученика?

Цзян Гу стоял неподвижно, его лицо оставалось бесстрастным:

— По крайней мере, не тебе его наказывать.

Лу Кан застыл от этой внезапной отповеди. Он прекрасно помнил свирепую репутацию Цзян Гу и не рискнул действовать дальше, лишь повернулся к Се Фусюэ:

— Глава секты Се, вы всегда славились своей справедливостью и великодушием. Как лучше разрешить это дело?

Цзян Гу откровенно демонстрировал намерение защищать ученика и был готов драться с каждым, кто осмелится тронуть Вэй Фэна. С его печально известной злопамятностью и

поддержкой клана Цзян за спиной, даже такие старейшины, как Пан Чжао и Лу Кан, при всей их ненависти, не решались напрямую противостоять ему.

Впрочем, Цзян Гу уже давно искал повод поквитаться с ними.

Се Фусюэ нервно улыбнулась:

— Старейшина Цзян, действительно, Вэй Фэн первым применил силу против собратьев. По правилам секты, ему полагается триста ударов плетью в Зале Дисциплины, а затем год размышлений взаперти в Облачном пруду.

Пан Чжао и Лу Кан переглянулись, более-менее удовлетворённые таким наказанием.

— Хмф, на этот раз не откупишься духовными камнями, — злорадно ухмыльнулся Ма Яншэн.

Многие в секте недолюбливали Вэй Фэна за его привычку решать проблемы с помощью духовных камней, хотя втайне завидовали такой возможности.

Теперь они наконец-то испытали удовлетворение.

— Да я просто... — начал было Вэй Фэн, но мимолётного взгляда Цзян Гу хватило, чтобы он мгновенно осёкся и замолчал, беспомощно глядя на учителя.

— Глава секты Се говорит разумно, — неторопливо произнёс Цзян Гу. — А какое наказание за оскорбление собратьев?

Се Фусюэ неловко улыбнулась:

— За оскорбление полагается принести извинения и провести полмесяца в Зале Дисциплины.

Цзян Гу окинул взглядом семь или восемь учеников с отрезанными языками:

— А если они не принесут извинения?

Се Фусюэ вытерла выступивший на лбу холодный пот:

— Это...

Как могут извиниться те, кто лишён языков?

— Злословие, провокация, порча репутации секты Янхуа, разрушение сердца Дао моего ученика — их зловерные намерения не поддаются описанию, — холодно произнёс Цзян Гу. — Более того, они не выказывают раскаяния даже сейчас. Таким людям с испорченным сердцем следует уничтожить духовные корни и изгнать из секты.

После его слов не только Се Фусюэ, но и Пан Чжао с Лу Каном замерли в ошеломлении. Пан Чжао поспешно возразил:

— Старейшина Цзян, не говорите опрометчиво. В секте Янхуа никогда не было такого правила.

— Разве это не общее правило для всех крупных сект и кланов? — Цзян Гу слегка приподнял брови. — В клане Цзян всегда так поступали. Оказывается, секта Янхуа — исключение.

Перед таким количеством свидетелей даже Се Фусюэ не осмелилась заявить, что власть секты

Янхуа превосходит власть клана Цзян. Цзян Гу откровенно использовал своё положение, и им... оставалось лишь принять это.

Если эта история каким-то образом дойдёт до ушей клана Цзян, одного их движения будет достаточно, чтобы уничтожить всех.

— Глава секты Се, приступайте к наказанию, — Цзян Гу небрежно окинул взглядом повинных учеников. — Наказывайте, как положено.

Ученики не смели даже поднять головы, дрожа от страха в своём углу. Ведь сам Цзян Гу предлагал уничтожить их духовные корни и изгнать из секты — по сравнению с этим плети для Вэй Фэна казались лёгким летним дождём.

Какая откровенная предвзятость и злобная месть!

Но никто из присутствовавших старейшин не осмелился возразить ни единым словом. Как бы ни кипела в их сердцах кровь от ненависти, внешне они сохраняли вежливые улыбки.

Се Фусюэ натянуто рассмеялась:

— Старейшина Цзян, вы слишком суровы. Ученики ещё молоды, и Вэй Фэн тоже действовал под влиянием эмоций. К тому же, ребёнок с детства был слабым, и триста ударов плетью могут нанести ему непоправимый вред. К тому же, ученики вот-вот покинут пик... Детские драки — обычное дело, может, обеим сторонам стоит сделать шаг назад?

Пан Чжао поспешил поддержать её:

— Совершенно верно, Старейшина Цзян. Эти ученики потратили годы, чтобы достичь нынешнего уровня культивации. Наши медицинские культиваторы искусны, и языки, несомненно, отрастут заново. Тогда мы обязательно отправим их на пик Цинпин принести личные извинения. Вэй Фэн — разумный мальчик...

Многие старейшины присоединились к уговорам, наперебой предлагая компромиссы, расточая улыбки и даже не скупясь на похвалы хмурому Вэй Фэну, который глядел на них с недоумением.

Эти люди, только что жаждавшие содрать с него кожу, теперь превратились в добрых и заботливых старших, которые, казалось, знали его с пелёнок. Особенно поразил Пан Чжао, который всего несколько мгновений назад бушевал громче всех, а теперь излучал доброту и благожелательность.

И всё это — после нескольких коротких фраз Цзян Гу.

Вэй Фэн смотрел на своего учителя с благоговейным восхищением.

Впервые в жизни, совершив ошибку, он был кем-то защищён. Защищён безоговорочно, пристрастно и без всяких объяснений.

Это было новым и удивительным опытом для Вэй Фэна. Он чувствовал странное волнение, но ещё сильнее — радость и слабость в коленях. Даже истекая кровью и дрожа от холода, он ощущал, будто мягкая духовная энергия Цзян Гу окутывает его целиком, защищая от всех злых языков и острых стрел, которые больше не могли причинить ему боль.

Словно с небес спустился бессмертный, чтобы спасти его.

Цзян Гу сохранял ледяное выражение лица, но всё же коротко кивнул Се Фусюэ. Затем он поднял краснолицего и готового расплакаться Вэй Фэна, усадил его на свой меч, и они полетели к пику Цинпин, превратившись в полосу света.

Едва коснувшись земли, Вэй Фэн едва не упал лицом вниз.

Цзян Гу быстро поддержал его за локоть, и Вэй Фэн, почувствовав прикосновение, шмыгнув носом и крепко обнял его.

— ... — Руки Цзян Гу застыли в воздухе, а брови слегка нахмурились. — Отпусти.

Вэй Фэн ещё какое-то время не двигался, уткнувшись лицом в плечо учителя, потом слегка смущённо поднял голову, глядя на него покрасневшими глазами:

— Спасибо, учитель, что спасли меня.

— На колени, — бесстрастно приказал Цзян Гу.

Вэй Фэн замер, растерянно глядя на него, но всё же послушно опустился перед ним на колени.

— Ты понимаешь, в чём твоя ошибка? — Цзян Гу смотрел на него сверху вниз.

Нежность и радость Вэй Фэна мгновенно сменились обидой. Здесь, без посторонних, он решительно возразил:

— Учитель, я не ошибался! Син Чжу и эти негодяи позволили себе непристойные речи о вас, они осмеливались предполагать о наших отношениях учителя и ученика, изрыгали такие мерзости, что даже если их языки отрастут, я буду отрезать их снова и снова!

Цзян Гу не удивился такой причине.

С детства он страдал от неудобств, которые приносила его внешность. Первой техникой, которую он освоил, было изменение облика. Но с ростом силы его внешность стала наименее значимым качеством — противники боялись его из-за мощи, а не из-за красоты.

Но всегда находились те, кто, не зная своего места, искал погибели.

— И это оправдывает твои необдуманные действия? — Холодный взгляд Цзян Гу остановился на лице ученика. — Каждый в секте Янхуа следит за тобой. Если бы Шэнь Юйсинь не предупредил меня заранее, к моему прибытию с тебя бы уже живьём содрали кожу, а то и дважды обыскали бы твою душу в пыточной клетке.

Воинственный блеск в глазах Вэй Фэна мгновенно угас. Он виновато опустил голову:

— Я... не подумал об этом.

— Не подумал? — Цзян Гу не мог сдержать гневного смешка. — Что у тебя на шее — светящаяся жемчужина вместо головы?

Голова Вэй Фэна склонилась ещё ниже:

— Простите, учитель, я был неправ.

— Безрассудно бросаться в бой — значит, нанося урон врагу, ранить и себя, — холодно отчеканил Цзян Гу. — Непростительная глупость!

Вэй Фэн вздрогнул от его слов и застыл, не смея поднять голову или сказать что-либо.

— Встанешь, когда поймёшь свою ошибку, — холодно бросил Цзян Гу и вышел, взмахнув рукавом.

Вэй Фэн долго оставался с опущенной головой, затем шмыгнув носом и украдкой смахнул слезу тыльной стороной ладони.

<http://bllate.org/book/13687/1212643>